
Петухов В. В.

ДЕМОКРАТИЯ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: МЕЧТА ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА?¹

Петухов Владимир Васильевич – кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН

E-mail: petuhovvv@mail.ru

Тел.: +7 (499) 724 21 57

Аннотация. В центре внимания автора – перспективы формирования в России «демократии равных возможностей». В статье проводится тезис о том, что в российском массовом сознании представление о демократии сегодня интерпретируется через соединение двух смысловых парадигм: с одной стороны – «социальной справедливости, государства, заботящегося о своих гражданах», с другой – «равенство всех граждан перед законом, свободы самовыражения личности».

Полная версия статьи под названием «Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты» опубликована в: Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 264-288.

Ключевые слова: демократия, рынок, либеральные ценности, выборы, интернет, гражданское общество, политическое участие.

Двадцать лет трансформации России дают некоторое основание считать, что наличие в обществе формальных институтов рынка и демократии еще не означает его «современности», так же как нет жесткой корреляции между появлением указанных институтов и соответствующей социокультурной трансформацией. Анализируя процесс развития демократии в нашей стране, многие специалисты довольно скептически оценивают как современное ее состояние, так и перспективы. В различных международных рейтингах наша страна также находится далеко не на лидирующих позициях².

В частности, некоторые исследователи обращают внимание на тот факт, что в России, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, переход к демократии не сопровождался «революцией ценностей». Запрос на демо-

¹ Настоящая статья подготовлена на основе результатов всероссийского социологического исследования «О чем мечтают россияне», проведенного ИС РАН совместно с Представительством фонда Ф. Эберта в России весной 2012 г., а также результатов исследований других социологических центров.

² Так, в 2011 г., по данным журнала «The Economist», политический режим России был признан авторитарным, а уровень ее демократичности был оценен на 3,92 балла притом, что индекс стран развитых демократий составлял 10 и более баллов. [Электронный ресурс] // Economist Intelligence Unit URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2011 (Дата обращения 15.03.2013).

кратию был краткосрочным, и был обусловлен сознанием большинством граждан СССР того очевидного факта, что демократические политические режимы в США и Западной Европе более эффективны с точки зрения развития экономики и социальных гарантий, чем система, существовавшая в стране последние 70 лет. Но довольно скоро выяснилось, что демократия сама по себе не гарантирует быстрого роста жизненного уровня населения, не спасает от административно-бюрократического произвола. Как следствие – произошел быстрый откат и разочарование в ее ценностях. Такая точка зрения, однако, лишь отчасти справедлива.

Действительно, подавляющее большинство россиян в те годы в переходе к демократии видели надежду на лучшую жизнь. Но эти надежды отнюдь не сводились лишь к мечтам о потребительском изобилии. Запрос на свободу также был достаточно силен. Сами же представления о демократии, особенно в конце 80-х годов, базировались на мечте о справедливо организованном обществе, которое виделось как российский аналог «государства всеобщего благоденствия», органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой стороны – невмешательство государства в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы. Совершенно ясно, что дистанция между этим идеалом и той реальностью, в которой жили люди в те годы, была огромной. Продолжала она оставаться таковой и в последующие годы.

Тем не менее, и сегодня, судя по результатам исследования Института социологии РАН «О чем мечтают россияне?» (апрель 2012г.), наши сограждане имеют, если не мечту, то вполне отчетливо выраженное представление о том, какая должна быть модель демократии. Так, на прямой вопрос: «Какая идея, лозунг в наибольшей степени выражает мечту о будущем России?», две первых позиции заняли «социальная справедливость, государство, заботящееся о своих гражданах» и «равные права для всех, демократия, свобода самовыражения личности». В каком-то смысле этот запрос можно интерпретировать в качестве мечты, причем трудно достижимой, поскольку в нашей стране соединить идеи демократии, свободы, справедливости с идеей государственности, а ее, в свою очередь, трансформировать в эффективную дееспособную власть, до последнего времени еще никому не удавалось.

Желаемая модель общественного устройства и его демократического «оформления» базируются на правовой защищенности граждан и социальной справедливости. Причем, запрос на пра-

вовое равенство был чрезвычайно устойчив все 2000-е годы, в то время, как запрос на более равномерное распределение доходов актуализировался лишь в последние годы. Есть все основания полагать, что идея «демократии равных возможностей» в будущем получит еще большее распространение, поскольку она является общемировым трендом, представляя собой новое видение демократии XXI века.

На фоне указанных слагаемых демократии все остальные актуализированы в гораздо меньшей степени. Это относится в первую очередь ко всему «пакету» политических прав и свобод. Снижающийся интерес к некоторым аспектам демократии вполне закономерен и связан с тем, что многие права и свободы стали неотъемлемой частью повседневной жизни страны и не вызывают какой-то особой озабоченности (свобода перемещения, выезд за рубеж, свобода вероисповедания, наличие частной собственности и др.). Большинство россиян не видят и каких-то особых препятствий для свободного выражения своих политических взглядов. 32% опрошенных оценивают имеющиеся для этого возможности на «хорошо», 59% как «удовлетворительные», и лишь 8% как «плохие».

Деактуализация же некоторых других аспектов демократии обусловлена иными причинами. Так, снижение интереса к выборным процедурам легитимации власти связано, прежде всего, с особенностями последних выборных кампаний 2011-2012 гг., которые оставили у многих россиян неприятное «послевкусие». Выборы многими начинают восприниматься как формальность, нужная главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. То же самое можно сказать и об отношении к оппозиции. Системная, представленная в парламенте оппозиция, многими гражданами воспринимается как часть властвующей элиты, а несистемная оппозиция вызывает пока настороженность.

Одновременно нельзя не признать и то, что многие права и свободы были в свое время «дарованы» властью и в обществе не сформировалось эмоционально окрашенное, бережное отношение к ним и к демократии в целом, как у тех же американцев. Причем, не только у рядовых граждан, но и у элит. Как показывает опыт функционирования развитых демократий, именно элите необходима вера в демократические идеалы, или хотя бы формальное следование демократической процедуре. Не случайно россияне первопричину замедления движения России к демократии видят не в инертности, неготовности общества к ней, а в выборе российского правящего класса, который предпочел демократии собственность и власть. Так считают 65% опрошенных. Существенно меньше тех, кто основную вину возлагает на само общество (27%). Лишь более трети сторонников М. Прохорова вину за несбывшиеся надежды о демократии возложили на общество.

Обращает на себя внимание то, что у общества и политического класса разное видение перспектив российской демократии. Результаты экспертного опроса, проведенного в 2008 г. рабочей группой ИНСОП показали, что политический класс настаивает на локализации демократии сферой политики и выборных процедур, тогда, как в представлениях наших сограждан демократия – это работающие институты, эффективность которых должна определяться динамикой уровня и качества жизни, социальной защищенностью граждан¹.

Исследование показало, что большинство наших сограждан привлекает в демократии надежда на установление такого социального порядка, который бы обеспечил реализацию социальных и экономических прав граждан. Такого мнения придерживаются 79% опрошенных, тогда как политические права и свободы считают приоритетными лишь 21%. Причем россияне «пакет» социально-экономических прав не сводят лишь к «толщине собственного кошелька», а считают важным реальное *обеспечение гражданам равенства возможностей*, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, разную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий.

В фиксации значимости социально-экономической компоненты демократии россияне отнюдь не одиноки. Исследования, проводимые во многих европейских странах, показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «приятною» демократии обществом. Прежде всего, в странах, где граждане на протяжении многих лет пользуются плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция)². Это является одной из причин того, почему, несмотря на жесточайший экономический кризис, постоянную критику неоконсерваторов, в этих странах, а также в большинстве других государств Западной Европы, никто от базовых социальных завоеваний 60-х-70-х годов отказываться не спешит.

Настоящая, а не формальная демократия, как свидетельствует мировой опыт, предполагает также более равномерное распределение богатств и ресурсов, чем это имеет место в современной

¹ Демократия: развитие российской модели // Москва. «ЭКОНИНФОРМ». 2008. Библиотека Института современного развития: [Электронный ресурс] // URL: www.insor-russia.ru/ru, URL: http://www.insor-russia.ru/files/LowResDemocracy_Books_final.pdf (Дата обращения 26.02.2013).

² Храмцов А. Ф. Перспективы социального государства: Европа и Россия // «Социально-гуманитарные знания». 2007. № 3. С. 131-143.

России, а также контроль за экономической деятельностью крупных корпораций со стороны общества, в тех случаях, когда эта деятельность способна нанести вред человеку и окружающей среде. Если этого не происходит, то и демократия становится дефектной, поскольку ее институты перестают соответствовать тем задачам, которые они должны реализовывать и правилам и нормам, которым должны соответствовать — служить справедливости, содействовать защите малообеспеченных от экономической эксплуатации, социальной дискриминации и политического угнетения, снижению уровня неравенства в обществе, облегчению доступа к благам культуры и образования¹.

Ложно и слишком буквально понятый лозунг «священности и неприкосновенности частной собственности», привел не только к череде катастроф с многочисленными человеческими жертвами, но и обусловил абсолютную закрытость и непрозрачность корпоративного сектора и рынка труда. Влияние сложившегося в стране симбиоза корпоративного бизнеса и корпорации чиновников, по мнению С. П. Перегудова, проявляется, прежде всего, в деполитизации отношений общества и государства, закупорке каналов взаимодействия общества с властью, отчуждении рядовых граждан и от бизнеса, и от самой власти².

Между тем, в мире накоплен огромный опыт правовых, политических форм воздействия на экспансионизм крупного бизнеса. В современной же России их практически нет: профсоюзы уже давно «играют» на стороне работодателей и государства, а право на забастовку, по нормам нового трудового кодекса, практически *не реализуемо в законных, легальных формах*. Не случайно массовые выступления трудящихся, которые получили широкий резонанс (Пикалево, Междуреченск и т. п.), высшим руководителям государства пришлось «разруливать» лично, в ручном режиме. Характерно и то, что российская оппозиция игнорирует экономические и социальные требования трудящихся и при этом недоумевает, почему российская глубинка до сих пор еще не присоединилась к столичным акциям протеста.

Тем не менее, в некоторых группах и слоях растет понимание того, что именно уровень развития демократии в стране определяет возможность честно работать и зарабатывать. Но подобные взгляды даже в высокодоходных группах и среди молодежи разделяют не более трети.

Большинство же населения одновременно настаивает не только на укреплении роли государства во всех сферах жизни общества, но и на необходимости «твердой руки», которая навела бы в стране порядок. Главная причина такой

¹ Капустин Б. Г. «Почему демократия перестает работать. Политэкономический взгляд на современный мир». [Электронный ресурс] // Русский журнал 2011 URL: <http://www.russ.ru> URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat> (Дата обращения 18.01.2013).

² Перегудов С. П. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия. Россия реформирующаяся. Ежегодник. Институт социологии РАН, 2007.

«разновекторности» общественных установок состоит в том, что общество в какой-то момент потеряло одновременно и веру в эффективность многих демократических институтов, и веру в свою способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы. Это относится и к институту выборов, к многопартийной системе, к свободе слова, и особенно — к реализации принципа равенства всех граждан перед законом. Кризис доверия, в свою очередь, порождает новые линии размежевания в обществе, которые касаются не столько целей общественного развития, сколько методов их достижения. Все россияне хотят законности, достатка, эффективно функционирующих институтов, морального оздоровления и т. д. Но если часть бизнеса, низовой бюрократии, бюджетников, городской молодежи готова поддержать достижение этих целей через демократизацию и либерализацию общественной и политической жизни, то «традиционалистские» слои вектор возможных изменений усматривают в усилении «порядка» путем жесткого подавления всех тех, кто якобы мешает властям этот порядок наводить.

Несмотря на то, что сторонников «сильной руки» практически в два раза больше, чем тех, кто ориентирован на либеральные ценности, голос последних сегодня слышен гораздо отчетливее, чем еще пару лет назад. Если совсем недавно повышенным активизмом отличались, прежде всего, пенсионеры и льготники, то для настоящего времени характерен рост участия со стороны молодежи. Особого внимания в этом плане заслуживает «взрыв» гражданской активности в интернете. Интернет, а скорее даже социальные сети, являются на сегодняшний день наиболее эффективным механизмом массовой мобилизации, и во многом единственным реально действующим инструментом горизонтальных связей в социуме. Многие специалисты относятся к новым интернет-технологиям скептически, усматривая в них своеобразное проявление «нового деспотизма», т. е. изощренно-рафинированных форм отчуждения от власти, манипулирования общественным мнением и имитационных форм участия¹. Однако нельзя не видеть и того, что именно интернет дал толчок многим гражданским инициативам, заставил власть прислушаться к общественному мнению.

Не менее существенным сдвигом в массовых настроениях можно считать изменения отношения общества к роли оппозиции в политической жизни страны: лишь 18% опрошенных назвали оппозицию неотъемлемой составляющей демократического общества. И это

¹ Красин Ю. А. *Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты.* М.: ИС РАН. 2009. С. 142–149.

связано, прежде всего, с тем, что массовое сознание уже не ставит знака равенства между демократией и наличием оппозиции в качестве ключевого элемента системы сдержек и противовесов существующей власти. Если в 1998 г. 83% опрошенных считали, что настоящая демократия не может существовать без политической оппозиции, то в 2012 г. их доля сократилась до 61% (см. рис. 1).

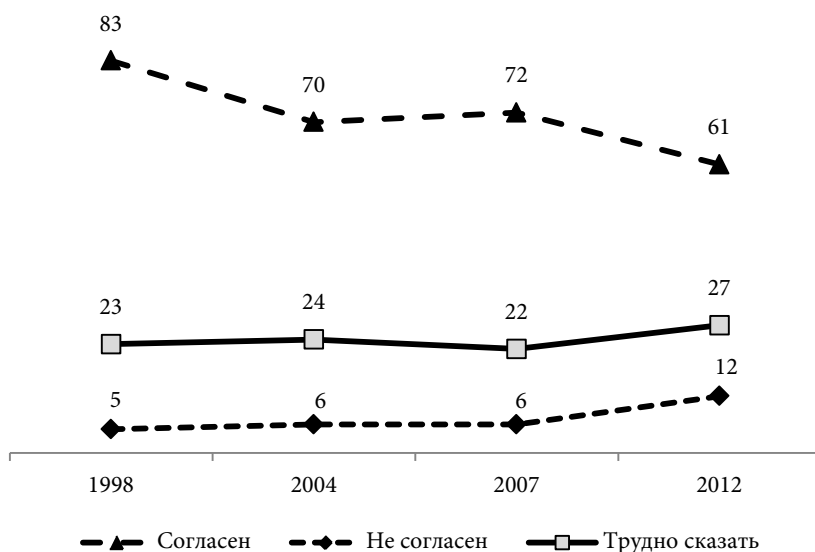

Рис. 1. Согласие/несогласие респондентов, с мнением:
«Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции»,
% среди всех опрошенных

Такое снижение обычно объясняют тем, что ее системная часть чрезвычайно сервильна, а несистемная — пока «далека от народа» и не консолидирована. В действительности же главная причина состоит в ином — значительная часть общества сегодня уже просто не нуждается в посредниках в общении с властями. В России происходит то, о чем А. Турен и Р. Инглхарт писали в конце 90-х гг. применительно к европейским реалиям: отказ многих граждан служить дисциплинированным «войском» политиков, политических партий, выражаемое в стремлении людей доводить общественные требования напрямую, благодаря отделенным от партий общественным движениям¹.

Причем многих наших сограждан сегодня уже не смущает тот факт, что жесткие требования, выдвигаемые различными общественными группами правительству, могут нарушить общественную стабильность. Практически

¹ Турен А. (1998) Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, Инглхарт Р. (1997). Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. «Полис». «Политические исследования». 1997. № 3. 131-143.

в два раза (с 61 до 32%) сократилась доля тех, кто согласен, что нужно быть умеренными при выдвижении своих требований. Еще больший радикализм демонстрируют наши сограждане в отношении демонстраций, забастовок. Чуть более 10 лет назад большинство россиян (60%) полагали, что граждане не должны иметь право на массовые выступления, если это негативно скажется на общественной стабильности. Сегодня так считают лишь 37% (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика представлений россиян о границах воздействия граждан на власть, % среди всех опрошенных

Жесткие требования различных общественных групп к правительству могут повредить всеобщему благополучию				
	11998	22004	22007	22012
Согласен	61	61	58	32
Не согласен	18	17	22	35
Трудно сказать	21	22	20	33
Гражданин не должен иметь право на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку				
Согласен	60	57	58	37
Не согласен	26	26	26	36
Трудно сказать	14	17	16	27

Это, с одной стороны свидетельствует об изживании патерналистских комплексов, упования на власть у значительной части населения. С другой стороны, готовность бороться за свои права и интересы на фоне девальвации большинства легальных и легитимных форм политического участия (партии, профсоюзы и т. п.), не может не вызывать тревогу, особенно в ситуации наметившегося общественного раскола. При определенных обстоятельствах, это может привести к конфликтному противостоянию «протестных активистов» не только с властью, но и с молчаливым большинством. Хотя, возможен и другой сценарий – постепенное «перетекание» части этого большинства, еще недавно голосовавшего за В. Путина, в стан недовольных. Тем более, что рост доходов населения приостановился и уже не компенсирует ухудшение качества жизни, развал социальной инфраструктуры (медицины, образования, культуры), сужение горизонта возможностей для самореализации, прежде всего, молодежи.

Итак, всплеск гражданской активности конца 2011 – начала 2012 гг. показал следующее: *ключевым аспектом современной «повестки дня» становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним.* Эта задача не кажется такой уж невыполнимой, учитывая, что власть на всех уровнях слабеет, в то время как гражданское общество активизируется.

В ее решении наметилось два принципиально разных подхода. Первый, продвигаемый в основном некоторыми экспертами из академической среды и частью так называемых «системных либералов», предполагает концепт инкорпорирования гражданских институтов во властные структуры, особенно на местном уровне¹, второй – прямо противоположный – выстраивание альтернативных государству институтов и структур в недрах гражданского общества и максимально возможное игнорирование ими властных и около властных структур. Парадоксальность нынешней ситуации состоит в том, что, к такого рода «разводу» до некоторой степени подталкивает сама власть, которая не так тотальна, как это иногда представляется. Ее «много» там, где она свое присутствие считает необходимым и исчезающе мало, где оно требуется людям. Жестко контролируя некоторые сферы и области жизни (финансы, нефть и газ, электронные медиа, силовые структуры и пр.), власть демонстрирует готовность переложить бремя ответственности за решение многих жизненно важных, прежде всего, социальных проблем, на «институты гражданского общества», а иногда и отдельных граждан, а когда те сопротивляются, следуют упреки в их избыточных «патерналистских притязаниях».

Так что власти в каком-то смысле выгодна активизация гражданского общества, что могло бы, например, позволить решить за счет молодой, инициативной части населения проблему чудовищного кадрового голода, существующего во многих органах местной власти и одновременно разделить со многими своими нынешними критиками ответственность за положение дел в регионах. Значительная часть гражданских активистов, в принципе, не против. Проблема в разграничении сфер влияния. Власть пока не может определить, что она готова делегировать гражданским институтам, прежде всего потому, что социальное участие не может осуществляться исключительно на общественных началах, рано или поздно оно требует подключения финансовых и административных ресурсов. А эти ресурсы неизбежно конвертируются во влияние политического характера, особенно когда население начинает больше доверять гражданским активистам, чем властям, как это было, например, в Крымске. Вот почему власть на любые попытки участия гражданских институтов в политике и даже влияния на принятие отдельных решений все чаще включает «красный свет».

¹ Никовская Л., Якимец В., Молокова М. Гражданские инициативы и модернизация России. М.: Ключ-С. 2011. С. 51.

Однако в условиях растущей политизации общества и предстоящей ротации политической элиты, приход во властные структуры большого числа гражданских активистов остановить уже не удастся. Именно поэтому важно видеть не только плюсы этого процесса, но и прогнозировать возможные издержки. Речь в первую очередь идет о призывах к выстраиванию в недрах гражданского общества некой параллельной власти реальности. И дело здесь не только в том, что в этих недрах могут возникать и укрепляться самые разные структуры и институты, далеко не всегда демократические. Концепт, согласно которому гражданское общество само по себе формирует демократическую среду, точно такой же миф, как и миф о «среднем классе» как об оплоте стабильности. Главная проблема состоит в том, что при всем желании «живое творчество масс» не может и не должно заменять собой государственные институты. Поэтому наиболее успешны сегодня именно те общественные формирования, которые в силу своих возможностей пытаются «принудить» власти выполнять их прямые обязанности. Речь идет, прежде всего, о многочисленных «движениях одного требования»: «синих ведерках», обманутых пайщиках и дольщиках жилищных пирамид, экологах, защитниках архитектурного наследия и т. п. Важно и то, что такого рода движения открывают путь в политику новым субъектам, предлагают для обсуждения новые проблемы и ценности. А это чрезвычайно важно, учитывая, что дефицит интеллектуальной среды — одно из главных препятствий дальнейшей демократизации общества¹.

В этой связи нельзя пренебрегать, как это делают многие гражданские активисты, еще сохраняющимися механизмами парламентской демократии, прежде всего, выборами. Тем более, что есть все основания полагать, что к следующему выборному циклу Россия будет иметь иную, чем сейчас, конфигурацию партийно-политической системы, где наряду с традиционными, вертикально интегрированными партиями с фиксируемым членством могут появиться более гибкие образования в большой степени отвечающие потребностям нынешнего поколения россиян, в которых тон будут задавать не партийные функционеры, а гражданские активисты и деятельность которых не будет ограничиваться лишь участием в выборах.

¹ См. Модернизация России Социально-гуманитарные измерения. Под ред. Н. Я. Петракова. М. – С-Пб.: Нестор-История. 2011. С.29.

Итак, ключевым направлением современного этапа развития российской демократии в условиях «политических заморозков» является развитие многообразных форм самоорганизации, политического участия, призванных запускать и поддерживать в надлежащем тоне механизм перевода частных, групповых, зачастую трудно сочетаемых друг с другом, интересов наших сограждан на язык общезначимых проблем. Но для этого чрезвычайно важно вернуть обществу веру в эффективность демократии и ее институтов, а также в свою способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы.

Литература

1. «The Economist». [Электронный ресурс] // Economist Intelligence Unit URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2011 (Дата обращения 15.03.2013).
2. Демократия: развитие российской модели // Москва. «ЭКОНИНФОРМ». 2008. Библиотека Института современного развития: [Электронный ресурс] // Институт современного развития URL: http://www.insor-russia.ru/files/LowResDemocracy_Books_final.pdf (Дата обращения 26.02.2013).
3. Храмов А. Ф. Перспективы социального государства: Европа и Россия // «Социально-гуманитарные знания». 2007. № 3.
4. Капустин Б. Г. «Почему демократия перестает работать. Политэкономический взгляд на современный мир». Русский журнал. 2011. [Электронный ресурс] // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat>.
5. Перегудов С. П. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия. Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН, 2007.
6. Красин Ю. А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.: Институт социологии РАН. 2009.
7. Турен А. (1998) Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, Инглхарт Р. (1997). Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. «Полис». «Политические исследования». 1997. № 3.
8. Никовская Л., Якимец В., Молокова М. Гражданские инициативы и модернизация России. М.: 2011. Ключ-С.
9. См. Модернизация России Социально-гуманитарные измерения. Под ред. Н. Я. Петракова. М. – С-Пб.: Нестор-История. 2011.